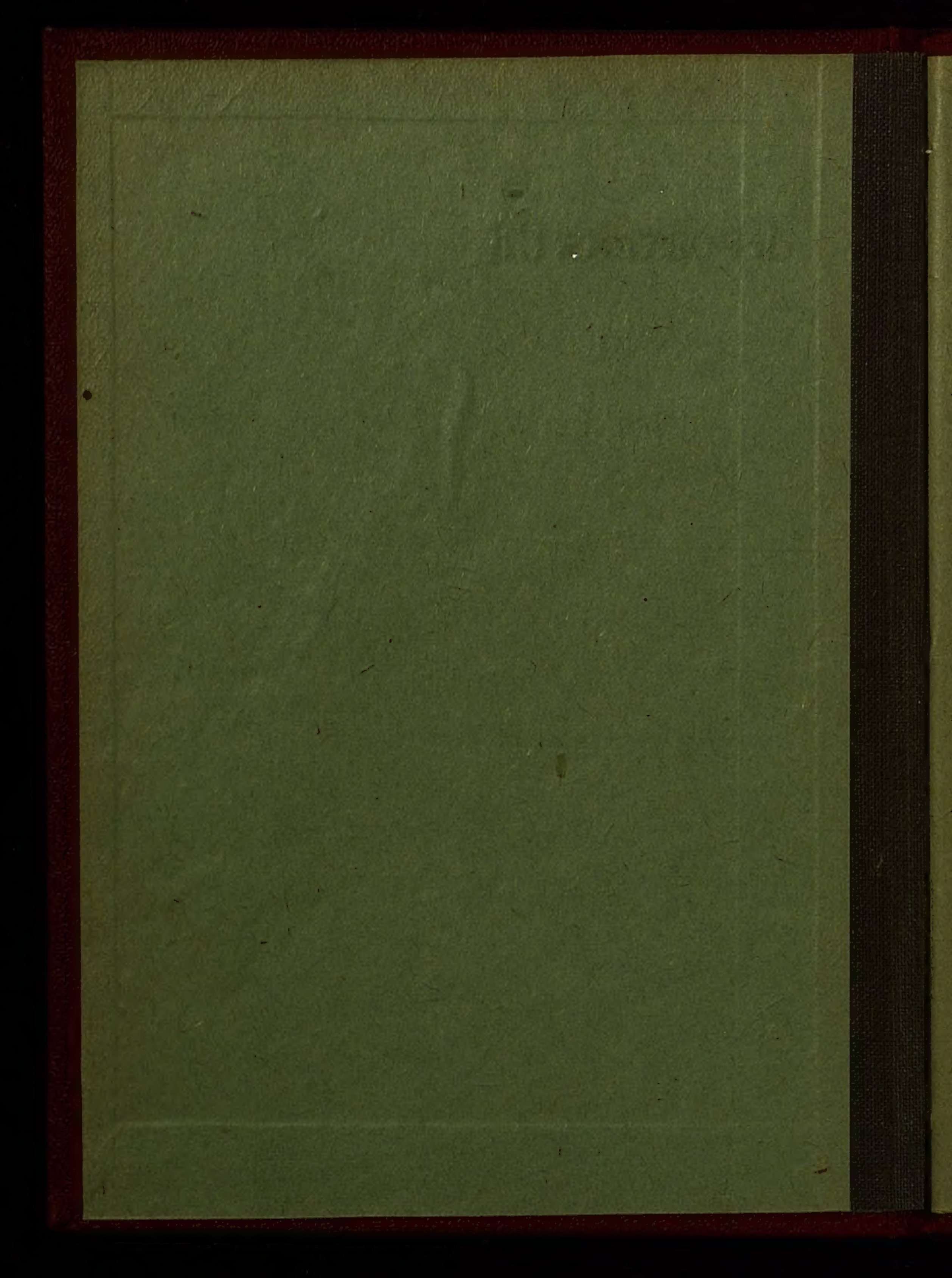
Перовская С.Л.

1889

3 экз

Biographie de Sophie Perovskaïa.

СОФІЯ ЛЬВОВНА ПЕРОВСКАЯ

1 (13) Марта 1881 года.

CAROUGE (GENÈVE)
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-EDITEUR
1899

СОФІЯ ЛЬВОВНА ПЕРОВСКАЯ

(Матеріалъ для біографіи).

Я былъ знакомъ съ Соней въ теченіи восми лѣтъ; всегда былъ съ нею въ очень хорошихъ отношеніяхъ, иногда обстоятельства складывались такъ, что сами вызывали насъ на откровенныя бесѣди, но, не смотря на все это, я плохо знаю ея жизнь. Знаю лишь то, что самъ видѣлъ, или же слышалъ отъ другихъ, но отъ нея самой приходилось слышать очень мало.

Это была натура замѣчательно сдержанная, скрытая въ самой себѣ и какъ будто недовѣрчивая. Сверхъ того, жизнь ея, вообще говоря, была очень не веселая, а жаловаться она на любила. Я знаю много очень много случаевъ, когда она поддерживала другихъ людей, дѣлая это охотно, просто и чрезвычайно деликатно, но она сама, полагаю, не встрѣчала людей, отъ которыхъ требовала-бы нравственной поддержки себѣ: сильный не ищетъ поддержки у слабаго, а Соня, по силѣ характера, на

мой взглядъ, превосходила огромное большинство людей, съ которыми ее сталкивала судьба и не уступала даже двумъ-тремъ наиболѣе выдающимся... Поэтому-то ея внутренній міръ былъ и останется такой загадкой для самыхъ близкихъ ея друзей: эту загадку она не помогала разгадывать. Даже внѣш-сторона ея жизни извѣстна очень мало, и нужно было бы переспросить сотню людей для того, чтобы возстановить, — да и то съ значительными пробѣлами, — хоть эту внѣшную сторону.

Дѣтство Сони прошло невесело. Она родилась въ барской семьѣ*). Мать ея — женщина очень умная, гуманная и честная; но отецъ представляетъ образцовый типъ мелочнаго, своекорыстнаго и безсердечнаго самодура. Общественное положеніе Перовскихъ, ихъ обязанности передъ „свѣтомъ" отнимали у матери возможность отдавать все свое время дѣтямъ. Семейная жизнь была полна раздора и тяжелыхъ сценъ. Соня, какъ послѣдняя дочь, родилась въ самый разгаръ семейной каторги. Къ старшимъ дѣтямъ отецъ еще чувствовалъ нѣкоторую привязанностя, Соню же онъ сразу невзлюбилъ.

До трехъ лѣтъ она оставалась въ СПБ. подъ надзоромъ няни-нѣмки, которая ее очень любила. Затѣмъ отецъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ

*) Въ Петербургѣ 1-го сент. 1853 г. Семейство состоитъ изъ отца, матери и дѣтей: Николая, Маріи, Василія и Софіи.

въ Псковъ. Положеніе мужа обязывало Варвару Сергѣевну (мать Сони) тратить много времени на выѣзды, вечера и пр. Такой свѣтскій образъ жизни почти не оставлялъ ей возможности заниматься воспитаніемъ дѣтей. Но онъ продолжался не долго и болѣе не возобновлялся до тѣхъ поръ, пока не выросла старшая дочь, которую пришлось вывозить „въ свѣтъ". Въ этотъ промежутокъ времени Варвара Сергѣевна горячо отдалась дѣтямъ, — ея единственному утѣшенію. Она очень любила меньшую дочь, которая платила ей той же горячей привязанностью.

Соня была очень умнымъ ребенкомъ и исполняла малѣйшія желанія матери. Куколъ она не любила, не играла ими никогда, ея игры носили, что называется, „мальчишескій" характеръ. Однажды мать увидѣла такую сцену: Василій бросалъ мячемъ въ Соню, которая служила мишенью. Мать разсердилась, но Вася объяснилъ, что онъ не хочетъ обижать сестру, а желаетъ только пріучить ее защищаться, на случай, если на нее нападутъ разбойники. Вообще, очень живая и шаловливая, Соня слушалась только матери. Грамотѣ она выучилась только восьми лѣтъ и быстро пристрастилась къ чтенію.

„Въ дѣтствѣ, — разсказываетъ одна личность, близко знакомая съ семейной обстановкой Перовскихъ,

—Соня ничего не говорили ни о религіи, ни о богѣ. Закона божія она не учила. Отецъ, хотя и былъ вѣрующій. но рѣдко ходилъ въ церковь и для дѣтей не требовалъ религіознаго воспитанія. Постовъ въ домѣ никогда не соблюдали.“

Училась Соня дома у приходящихъ учителей; французскій языкъ преподавался, разумѣется, одновременно съ русскимъ. Вар. Серг. имѣла свой планъ воспитанія и не хотѣла помѣщать Соню въ учебное заведеніе, хотя послѣдняя и просила отдать ее въ гимназію. Провести свой планъ воспитанія матери, однако, не удалось, такъ какъ семейство, благодаря мотовству отца, скоро раззорилось.

Впрочемъ, до того еще отецъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Петербургъ. Въ это время Соня съ матерью ѣздила за-границу къ дядѣ, который умиралъ тамъ и выразилъ желаніе видѣть передъ смерью свою любимую племянницу. Нѣкоторое время она съ матерью провела въ Женевѣ, а затѣмъ онѣ вернулись въ Петербургъ.

Перовскіе стали жить открыто: старшую дочь „вывозили въ свѣтъ“. Отецъ, благодаря своему положенію, имѣлъ огромный кредитъ и, не стѣсняясь, имъ пользовался. Соня съ насмѣшкой и злобой вспоммила объ этомъ времени, — о нарядахъ, выѣздахъ, о томъ, что ее хотѣли пріучить къ свѣту. Она въ это время оставалась совсѣмъ уединенною и еще болѣе погрузилась въ свои книги.

Наступилъ 1866-ой г. Каракозовскій выстрѣлъ низвергнулъ губернатора. Онъ впалъ въ опалу и лишился мѣсто за то, что не доглядѣлъ. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ и раззореніемъ семьи: кредитъ исчезъ, долги превышали стоимостъ имѣній, страшно вдобавокъ зупущенныхъ. Давно желавшая отдѣлаться отъ супруга Варв. Серг., подъ тѣмъ предлогомъ, что жизнь въ Петербургѣ стала не по средствамъ, отпросиласъ въ деревню вмѣстѣ съ дѣтьми, вполнѣ увѣренная, что мужъ за нею не послѣдуетъ. Такъ и случилось.

Въ имѣніи близъ Симферополя они прожили безвыѣздно два года. Планъ воспитанія В. С., за недостаткомъ средствъ, остался невыполненнымъ, и четырнадцатилѣтняя Соня пополняла свое образованіе чтеніемъ книгъ: ихъ библіотека, кромѣ массы романовъ (которыми занимался отецъ), содержала много серьезныхъ книгъ по исторіи. естествовѣденію и т. п.

Жизнь въ деревнѣ шла спокойно и однообразно: Днемъ сестры читали, гуляли, катались, особенно Соня, страстно любившая верхорую ѣзду. Мать занималась хозяйствомъ. По вечерамъ кто-нибудь изъ дочерей читалъ вслухъ большею частью что-нибудь серьезное. Лѣтомъ жизнь разнообразилась пріѣздомъ братьевъ на каникулы; Василій привозилъ съ собою книги; Соня зачитывалась Писаревымъ. Ей уже

шелъ 16-ый г. Онѣ съ сестрой задумали поступить на Аларченскіе Курсы. Въ этомъ (1869) году имѣніе, гдѣ они жили, должно было продаваться за долги. Поэтому мать позволила дочерямъ продавать бывшія въ домѣ вещи, чтобы скопить себѣ сколько-нибудь денегъ. Обстановка дома была вполнѣ барская, и вырученныя деньги дѣвушки рѣшились употребить на курсы. Осенью пріѣхалъ отецъ для продажи имѣнія, а семья отправилась въ СПБ.

Здѣсь Варвара Сергѣевна наняла себѣ очень скромную квартиру. Отцу, по пріѣздѣ, такая обстановка не понравилась, и онъ нанялъ себѣ квартиру отдѣльно. Это было очень пріятно всему семейству, особенно Сонѣ, которая терпѣть не могла отца. Она его и презирала, и не могла ему простить его поведеніе съ матерью, которую онъ всячески угнеталъ. Мнѣ много разъ приходилось слышать ея отзывы объ отцѣ. Такъ враждебно она, кажется, не относилась ни къ одному человѣку на свѣтѣ. Въ это время Соня и Марія поступили на Аларченскіе Курсы; ходили къ товаркамъ, принимали ихъ и себя, хотя у каждой былъ свой кружокъ. Соня особенно сошлась въ Вильбергъ, Корниловой, Софіей Лешернъ и др. Между тѣмъ отецъ заболѣлъ и долженъ былъ отправиться за-границу. Онъ не могъ ѣхать одинъ, по бобѣзни, а потому Барв. Серг. со старшей дочерью сопровождали его. Соня же отпросилась провѣсти

лѣто на дачѣ въ Лѣсномъ со своими друзьями (Вальбергъ Корниловой и Лешернъ).

Это лѣто, проведенное на полной своботѣ, она всегда вспоминала съ особенно теплымъ чувствомъ. Но, когда осенью родные вернулись изъ за-границы, и Сонѣ пришлось поселиться въ домѣ отца (они жили теперь уже всѣ вмѣстѣ), положеніе ея стало невыносимымъ. Отецъ не только стѣснялъ ее во всемъ, но еще запрешалъ принимать товарокъ. особенно Вальбергъ, державшуюся совсѣмъ нигилисткой. Онъ грозилъ сдѣлать Вальбергъ скандалъ, если еще хоть разъ увидитъ ее въ домѣ. Тогда Соня рѣшилась уйти отъ родныхъ. Друзья помогли ей скрыться. Отецъ разсвирѣпѣлъ и обратился къ полиціи съ требованіемъ розыскать дочь. Однако, младшему изъ братьевъ, Василію удалось выхлопотать паспоръ для сестры; отецъ далъ паспортъ, но уже не хотѣлъ видѣть Соню, такъ что она, посѣщая мать, ходила всегда съ чернаго хода, чтобы не встрѣтить отца.

Это было въ началѣ 70-хъ годовъ. Разныя вѣянія волновали молодежь и не могли, конечно, не коснуться такой натуры, какъ Соня. Она отправилась, въ Едимново (Твер. губ.) на Верещагинскую сыроварню и здѣсь, познакомившись съ О., завѣдѣвавшей школой, она стала помогать ей заниматься съ дѣтьми. Осенью она возвратилась въ Петеубургъ. Съ этого

времени Соня впервые примыкаетъ къ тому умственному и соціальному движенію, которое совершалось въ средѣ русской молодежи, и вмѣстѣ съ нею проходитъ черезъ всѣ стадіи его развитія*).

Въ концѣ 60-хъ и началу 70-хъ гг., русская молодежь уже именовала себя „революціонерами". И это были дѣйствительно революціонеры, въ томъ смыслѣ, что желали радикальнаго, соціальнаго и политическаго переворота на началахъ соціализма. Но въ то же время въ своихъ средствахъ это были,

*) Вотъ что сообщаетъ намъ о Перовской одно лицо, знавшее ее въ эти годы: «Я познакомилась съ Софіей Львовной въ Ставрополѣ въ 1872 году, гдѣ я (вмѣстѣ съ одной моей пріятельницей — П.) занималась приготовленіемъ сельскихъ учительницъ. С. Л. пріѣхала сюда, въ качествѣ оспопрививательницы, чтобы познакомиться съ бытомъ крестьянъ. Для этого она пѣшкомъ исходила всѣ окрестныя села, останавливаясь на нѣсколько дней въ каждомъ для прививанья оспы. Ночевала и столовалась она въ первой попавшейся избѣ вмѣстѣ съ хозяевами и ни чуть не тяготилась полнымъ отсутствіемъ удобствъ, къ которымъ привыкла въ дѣтствѣ. Она была въ то время въ своемъ періодѣ Рахметовщины: питалась молокомъ да кашей, спала на подушкѣ съ соломой и т. д. Здоровенная она была такая, какъ только можно себѣ представить, про ея щеки ставропольцы выражались, что у нея словно два горшечка на лицѣ. Она любила ѣздить на другую сторону Волги въ Жегули и все время гребла сама. Видѣлись мы, конечно, всякій день. Прививши всѣмъ ребятишкамъ окрестныхъ селъ оспу, она стала помогать намъ съ П. въ нашей школѣ. Ни скрытности, ни нелюбви къ письмамъ я тогда въ ней не замѣчала, — она охотно говорила о своихъ петербургскихъ знакомыхъ, которые въ то время занимались изданіемъ книгъ, о Крымѣ и въ особенности о своей жизни въ Лѣсномъ. А послѣ ея отъѣзда къ О. (въ Единново), мы переписывались съ нею съ годъ, такъ, безъ всякаго дѣла, какъ люди, пожившіе нѣкоторое время вмѣстѣ. Она и въ то время уже внушала къ себѣ уваженіе своею серьезностью и умомъ, видно было, что она пойдетъ по заданному себѣ пути, не увлекаясь по сторонамъ.» Отъ Издат.

мирнѣйшіе изъ мирныхъ людей. Они слишкомъ ненавидѣли насиліе, чтобы не отворачиветься отъ него, даже для достиженія своихъ цѣлей. Они слишкомъ вѣрили въ силу истины для того, чтобы считать нужнымъ насиліе. Тогда казалось, что стоитъ только сказать людямъ: „братья, любите другъ друга!“—стоитъ только открыть имъ всѣ сокровища науки, и зданіе грабежа и насиліе рухнетъ само собою, быть можетъ, даже не задавивши ни одного человѣка. Для молодежи того времени единственно-реальными понятіями были любовь, самоотверженіе, нравственное возрожденіе, — это мы понимали, потому что все это мы сами пережили. Но „бунтъ, кровь, революція“ — все это были звуки. Мы слыхали, что безъ этого нельзя обойтись, но совершенно не понимали, что это такое въ дѣйствительности. Наша „кровь“ не сопровождалась страданіемъ, нашъ „бунтъ“ былъ строенъ и безобиденъ, наша „революція“ была болѣе нравственнымъ перерожденіемъ, чѣмъ кровавой перетасовкой.

Въ концѣ 60-хъ гг. молодежь и вообще всѣ передовые люди увлекались школами и ассоціаціями. Школы должны были пересоздать народъ умственно, ассоціаціи — подготовить экономическій переворотъ. Черезъ стадію школъ, народныхъ книжекъ, ассоціацій прошла вся тогдашняя молодежь. Товарка Сони, Лешернъ, начала со школы (Меглецы, Боровическаго

уѣз.), гдѣ у нея учителемъ и также секретаремъ ссудо-сберегательной кассы былъ Гамовъ.

Я помню, въ какое отчаяніе пришла С. Леш., когда ея школу закрыли: „Боже мой, неужели у насъ ничего нельзя дѣлать?“ писала она высланному подъ надзаръ полиціи Гамову. Пропаганды въ школѣ никакой не было, если не считать за пропаганду хорошаго учителя, хорошаго обращенія съ дѣтьми и внушенія имъ правилъ нравственности.

Соня также побывала въ школѣ (въ Едимновѣ). Но въ это время уже начинались гоненія. За школами усилили надзоръ до нелѣпости. Для книгъ измѣнили цензурныя правила, мотивируя это тѣмъ, что неблагонамѣренные люди стараются дешево распространять вредныя книги.

Кружокъ Чайковцевъ, представлявшій просто товарищество и занимавшійся до этого исключительно воздѣйствіемъ на студенчество, да изданіемъ и распространеніемъ книгъ*), какъ народныхъ, такъ и для интеллигенціи,—теперь увидѣлъ невозможность продолжать такую дѣятельность. Стали поговаривать, что пора перейти къ воздѣйствію на народъ непосредственно, а книги начали издавать безъ цензуры за-границей. Наиболѣе крайній кружокъ — Долгу-

*) Ихъ ими было издано множество; сверхъ того Чайковцы сходились съ издателями, брали книги на коммиссіи и продавали на 50 проц. дешевле. Склады имѣлись почти во всѣхъ главныхъ городахъ.

шинскій отрицалъ вообще книжную дѣятельность, а ставилъ своей цѣлью попытку поднять народъ. Долгушинцы, впрочемъ, не имѣли послѣдователей, и средства и связи ихъ были ничтожны.

Соня была связана съ Чайковцами личнымъ знакомствомъ — которое для нея всегда имѣло много значенія — также, какъ и единствомъ взглядовъ. Она присутствовала почти при самомъ зарожденіи кружка.

Въ 1873 г., весною, кружокъ, уже значительно сплотившійся и разросшійся до 24 человѣкъ, порѣшилъ серьезно взяться за рабочее дѣло, а также и за нецензурныя изданія. Съ дѣятельнымъ пособіемъ Чайковцевъ, за-границей началось изданіе „Впередъ“, туда же отправлено для печатанія нѣсколько рукописей народныхъ книжекъ, а въ Питеръ привезли станокъ со шрифтомъ. Сношенія съ рабочими не систематически велись и раньше, но теперь были особенно расширены. Нѣкоторые изъ членовъ поступили на фабрики и заводы, другіе завели у себя нѣчто въ родѣ вольныхъ школъ*). Вообще говоря, нѣсколько сотъ рабочихъ были затронуты такъ или иначе. Въ одномъ мѣстѣ составился чисто рабочій кружокъ, имѣвшій библіотеку. Около Чайковцевъ была еще подъ-группы молодожи и множество отдѣльныхъ лицъ. Въ провинцію кружокъ посылалъ

*) Занятія съ рабочими были: на Обводномъ каналѣ, за Невской и Нарвской заставами, на Петербургской и Выборгской сторонахъ и на Васильевскомъ островѣ.

делегатовъ, которые побудили къ образованію такихъ же кружковъ и въ другихъ городахъ (въ Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ), во многихъ губ. и уѣздныхъ городахъ завели сношенія съ отдѣльными лицами. Наконецъ, двума-тремя лицами сдѣланы попытки идти „въ народъ“, въ кретьянство.

Соня дѣлала вообще все, что нужно было кружку, имѣла у себя спеціально кружковую квартиру, занималась съ рабочими и завѣдывала сношеніями съ тюрьмами, въ чемъ уже и тогда была нужда. Съ ноября 1873 г. въ СПБ. начались страшные аресты. Тогда же было рѣшено дѣятельность перенести, глав. образ., въ провинцію, но пока это совершилось‘ большая часть Чайковцевъ была аресвована.

Дѣятельность Сони за это время мнѣ почти неизвѣстна. Новыми товарищами она, кажется, была недовольна: она вообще была консервативна, — тяжело ей было свыкаться съ новыми товарищами, тяжело — перемѣнять взгляды.

Лѣтомъ 1874 г. она было арестована, но скоро выпущена на повуки за 5 тыс. р. и уѣхала съ братомъ въ Крымъ, въ свое Приморское — единственное имѣніе, которое Варварѣ Серг. удалось какъ-то спасти и тѣмъ обезпечить дѣтей....*) . . . .

*) На этомъ мѣстѣ въ рукописи, присланной изъ Народной Воли, не достаетъ одного листа, который вѣроятно затерялся вѣ дорогѣ; поэтому слѣдующія двѣ страницы намъ пришлось возстановить здѣсь по свѣденіямъ другаго лица, близко знавшаго Софію Львовну. Прим. Издат.

Проживши на родинѣ нѣкоторое время, Пер. отправилась въ Тверскую губ., къ одному знакомому врачу, при содѣйствіи котораго рѣшилась изучить фельдшерское искусство. Всѣ симпатіи Перовской были на сторонѣ дѣятельности въ крестьянской срѣдѣ, и, при первой возможности, она намѣревалась отдаться ей всѣми своими силами и энергіей, для какой цѣли придавала большое значеніе фельдшерскому диплому.

Въ Тверской губ. Перовская пробыла нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ очень усердно ухаживала за больными, при чемъ также занималась и оспопрививаніемъ. Отъ одного моего знакомаго, — который часто встрѣчался съ Перовской въ Твер. губ. и затѣмъ былъ съ нею въ одномъ кружкѣ — „Землѣ и Волѣ", — я слыхала, съ какой заботливости и нѣжностью Перовская ухаживала за больными.

Къ обязанностямъ простой сидѣлки Перовская относилась съ такою же добросовѣстностью и аккуратностью, какъ и ко всей своей революціонной дѣятельности. Она вообще ничего не могла дѣлать на скорую руку, какъ-нибудь. Взявшись за самое маленькое дѣло, она исполняла его наилучшимъ образомъ.

Познакомившись нѣсколько въ Твер. губ. медицинской практикой, Пер. нашла необходимымъ про-

слушать правильный курсъ, для чего вернулась обратно на родину и поступила въ Симферопольскую фельдш. школу, которую и окончила въ теченіи одного года. Жизнь ея въ Симфер. ничѣмъ особеннымъ не отличалась. Усердно занимаясь дѣломъ, она и здѣсь, какъ вездѣ, пріобрѣла любовъ и уваженіе окружающихъ. Врачи фельдш. шлолы относились къ ней съ полнымъ довѣріемъ и, не смотря на то, что она еще не окончила курса, они часто предоставляли ей практику. Въ числѣ ея паціентокъ была одна, страдавшая ракомъ на груди, старушка-еврейка, къ которой Пер., въ теченіи нѣскольких мѣсяцевъ каждый день ходила для перевязки. Своей заботой объ этой больной, своей вѣчной улыбкой, она внушила ей такую любовь къ себѣ, что та съ нетерпѣніемъ ждала ея прихода и увѣряла при этомъ, что при одномъ ея видѣ, ей дѣлается уже несравненно лучше.

Зимою 1877 г., получивши дипломъ, Пер. принялась искать мѣсто гдѣ-нибудь въ деревнѣ. Но въ это время начался процессъ 193-хъ, и ее повезли въ Петерб., въ качествѣ подсудимой. Во время суда она оставалась на свободѣ, ходила на свиданія въ тюрьму къ своимъ старымъ пріятелямъ и товарищамъ, заботилась о нихъ, носила имъ пищу, одежу, кники. На судѣ она была въ числѣ „протестовавшихъ“ и всячески старалась, чтобы „протестъ“ вышелъ,

какъ можно, шире и дружнѣе. По суду она была оправдена.

Какъ извѣстно, по суду къ каторжнымъ работамъ приговоренъ былъ одинъ Мышкинъ, произведшій такое сильное впечатлѣніе своей рѣчью. Революціонеры рѣшились освободить его, во время перевозки его изъ Петербурга въ центральную тюрьму. Перовская приняла въ этомъ планѣ самое горячее участіе. Но власти, узнавъ случайно объ этомъ замыслѣ, постарались ускорить и скрыть его отправку, и затѣявшіе его освобожденіе узнали объ этомъ только тогда, когдо онъ былъ уже въ центральной тюрьмѣ (подъ Харьковомъ) . . . . *)

Трудно сказать, что дѣлалось съ Соней послѣ такой неудачи. Попавшагося на глаза въ этотъ самый моментъ участника ни за что разругала самымъ несправедливымъ образомъ и, успокоившись, проста застыла на мысли: непремѣнно, во что бы то ни стало освободить другихъ. Ходила она злая — презлая, и только за своей больной (у нея на попеченіе была беременная госпожа С., страшно слабая и едва не умершая) ходила такъ же ласково и внимательно, какъ всегда.

Въ это время „Троглодиты“ были единственнымъ дѣятельнымъ кружкомъ въ Петербугѣ. Сонѣ

---

*) Съ этого мѣста мы снова продолжаемъ печатаніе по рукописи, присланной изъ «Народной Воли». Прим. Издат.

они не нравились, но видя, что только при помощи этого кружка можетъ удаться задуманное ею дѣло, она пристала къ нимъ.

Правила организацiи требовали безусловнаго подчиненiя большинству. Соня скоро увидала, что безъ этого дѣйствительно ничего нельзя сдѣлать. Лично же она представляла образецъ дисциплины въ разъ рѣшенномъ дѣлѣ. Не знаю, какова была роль ея въ возбужденiи вопроса объ освобожденiи центральныхъ ссыльныхъ. Но компанiя „Троглодитовъ„, начавшая вскорѣ изданiе „Земли и Воли", откуда и получила свое названiе „землевольцевъ", — произвела извѣстную попытку освобожденiя Войнаральскаго. Соня принимала въ ней дѣятельное участiе и обнаружила все свое умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ, никогда не измѣнявшее ей самообладанiе и неженское мужество. Но когда попытка не удалась, она безжалостно упрекала участниковъ, и безъ того уже бывшихъ въ полномъ отчаянiи: „Зачѣмъ не гнали дальше! Какъ могли промахнуться"! и т. п. Вообще, такъ какъ я не желаю писать панигириковъ, въ которыхъ Соня не нуждается вовсе, — нужно сказать, что она въ дѣлѣ была жестоко-требовательна, и могла довести человѣка до самоубiйства за малѣйшую слабость. Какъ это помирить съ ея нѣжностью къ больнымъ, слабымъ, и вообще ко всѣмъ требующимъ поддержки, — я не знаю. Но обѣ черты при-

надлежатъ ей одинаково. Правда, что себя-то она ужъ окончательно не жалѣла и не берегла.

Послѣ Харьковскаго дѣла Соня уѣхала къ себѣ въ Приморское и затѣмъ очень скоро была арестована: ее хотѣли выслать въ Повѣнецъ административно, подобно большинству освобожденныхъ по процессу 193. Но она по дорогѣ бѣжала. — Везшіе ее жандармы, желая съэкономить нѣсколько денегъ, предложили ей ѣхать не по желѣзной дорогѣ на Рыбинскъ, а пароходомъ. Она согласилась. Но для того, чтобы дождаться парохода, пришлось переночевать въ Чудовѣ. Соня спала въ дамской комнатѣ на вокзалѣ. Оба жандарма легли возлѣ дверей. Когда они заснули. Соня перешагнула черезъ нихъ, отворила двери, ушла съ вокзала и спряталась въ вѣсу, гдѣ и пробыла 6 часовъ, пока не улеглись поиски; а затѣмъ поѣхала въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько времени, она снова уѣхала въ Харьковъ — продолжать дѣло освобожденія. Съ этимъ освобожденіемъ она возилось цѣлый годъ. Работа была невозможно трудная. Соня подготовила очень многое, и преодолѣла первыя препятствія. Ей удалось подъискать людей, устроить наблюденіе за центр. тюрьмой и сношенія съ заключенными. Живя въ городѣ и поступивъ на акушерскіе курсы, она въ то же время завела много знакомствъ среди молодежи, гдѣ ее не только любили, но относились даже

съ нѣкоторымъ поклоненіемъ. Она положила начало кружку, просуществовавшему въ Харьковѣ болѣе 2-хъ лѣтъ. Что касается освобожденія, то оно не могло состояться, такъ какъ питерцы Соню скоро совершенно перестали поддерживать. Мѣсяца два спустя, послѣ Мезенцевскаго дѣла, компанія „Земли и Воли", была сильно ослаблена: лучшіе люди перебраны, связи подорваны, притокъ средствъ, по отсутствію людей, сократился. Напрасно оставшіеся въ живыхъ обращались изъ Петербурга въ провинцію (гдѣ въ народѣ было еще множество землевольцевъ) за помощью: никто не пріѣзжалъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что дѣла въ Петербургѣ не имѣютъ значенія, а увлеченіе террорромъ даже вредно. При такиюъ условіяхъ, оставшимся приходилось работать каждому за десятерыхъ, для того только, чтобы сохранить центръ. Можно сказать даже, что въ это время, *одинъ-два* человѣка вынесли на плечахъ своихъ честь революціи. Понятно, что оказывать еще помощь Сонѣ въ ея планѣ было невозможно*).

---

*) Вотъ что сообщаетъ намъ объ этомъ періодѣ жизни Перовской одна изъ ся харьковскихъ пріятельницъ: «О Перовской я услыхала въ первый разъ въ іюнѣ 1878 г. отъ лицъ, подготовлявшихъ освобожденіе Войнаральскаго. Судя потому, какъ эти лица отзывались о ней и какъ ждали ея пріѣзда въ Харьковъ, я тогда-же заключила, что къ Перовской относятся въ этомъ кружкѣ съ глубокимъ уваженіемъ и какой-то особенной нѣжностью.—Пріѣхала она въ Харьковъ позже всѣхъ остальныхъ участниковъ освобожденія, — такъ, за недѣлю до катастрофы, — потому, мнѣ кажется, что на ея

. . . . Наступило 2-ое апрѣля. Правительство приняло такое положеніе, что уже совершенно немыслимо было уклониться отъ прямой борьбы съ нимъ. На эту борьбу вызывали факты, эту борьбу стала освящать и нарождающаяся теорія.

обязанности лежало слѣдить за отправкой осужденныхъ изъ Петербурга, и вообще—не терять ихъ изъ виду.—Во время освобожденія Перовская исполняла роль простой горничной на одной изъ квартиръ участниковъ. Она и вообще, какъ я послѣ узнала бралась всего охотнѣе за такія роли, гдѣ нужно было разыгривать простаго человѣка; роль же барыни ей вѣроятно была не понутру, и я сомнѣваюсь даже, что бы она могла ее выполнить такъ же безукоризненно хорошо, какъ свои обыкновенныя роли. — Въ качествѣ простой горничной, во время освобожденія, Пер. являлась всюду, гдѣ нужно было слѣдить и выслѣживать. Особенно внимательно наблюдала она за вокзаломъ, гдѣ въ это время былъ усиленъ полицейскій персоналъ, вслѣдствіе ожидавшагося прибытія поѣзда съ осужденными. Когда попытка окончилась неудачей и участникамъ приходилось спасаться изъ Харькова, Перовская, замѣшавшись въ толпѣ, наблюдала за отъѣздомъ товарищей и видѣла, какъ арестовали, явившагося первымъ на вокзалъ, Ѳомина. Едва успѣли жандармы увести Ѳомина, какъ на вокзалъ явилось еще двое изъ участниковъ освобожденія, которые навѣрное были бы арестованы, если бы Перовская не успѣла во время предупредить ихъ о случившемся. Тогда всѣ трое ушли съ вокзала, переждали нѣсколько дней у своихъ знакомыхъ и, когда жаръ полиціи нѣсколько поутихъ, преспокойно уѣхали изъ Харькова. — Въ октябрѣ того же года Перовская снова пріѣхала въ Харьковъ, и въ этотъ разъ мнѣ удалось поближе узнать ее. Она въ это время была вся поглощена устройствомъ сношеній съ заключенными въ централкѣ и своимъ грандіознымъ планомъ освобожденія. Первое ей удалось вполнѣ, такъ что для заключенныхъ это было по истинѣ блаженнымъ временемъ: люди, просидѣвшіе тамъ по нѣсколько лѣтъ безъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, вдругъ получили возможность переписываться со своими близкими, а также имѣть книги, ѣду и необходимую зимнюю одежду. Все это Перовская доставляла имъ съ истинно материнской заботливостью. Она, напр., по нѣсколько дней расхаживала

Освобожденія отошли совершенно на задній планъ.

Состоялся Липецкій Съѣздъ. Соня не была приглашена на него, но въ Воронежѣ она была. Здѣсь она заявила себя противъ политической программы,

по лавкамъ, раньше чѣмъ покупала ту или другую вещь для центральныхъ, объясняя при этомъ, что, молъ, тѣ теплыя фуфайки или эти теплые чулки кажутся ей недостаточно прочными, и она боится, что они могутъ сидящимъ не хватить на цѣлую зиму. Посылая пищу въ тюрьму, она заранѣе обдумывала, какая пища необходима заключеннымъ, чтобы предохранить ихъ отъ обыкновенныхъ тюремныхъ болѣзней, почему посылала имъ всегда сельдей, сыру, лимоновъ и яблокъ. И все это она дѣлала такъ старательно и съ такой нѣжностью, что часто приводила въ умиленіе, какъ меня, такъ и другихъ своихъ знакомыхъ. Я жила съ Перовской въ одной комнатѣ, когда (въ Ноябр.) получилось извѣстіе, что въ Петербургѣ многіе изъ членовъ «Земли и Воли» арестованы [1]. Трудно изобразить, какое горе причинило ей это извѣстіе. Какъ человѣкъ чрезвычайно скрытный, она ни передъ кѣмъ не изливала его и казалась даже спокойной и не особенно убитой, но за то по ночамъ, когда она была увѣрена, что я сплю, и никто не слышитъ ея, она довала волю своему горю. Помню, какъ Перовская провела первыя 3 ночи, послѣ полученія извѣстія. Что это были за ночи!... Я вынуждена была притворяться спящей, изъ боязни своимъ присутствіемъ или участіемъ только стѣснить ее, но какъ сжималось мое сердце, при этихъ постоянно раздававшихся тихихъ рыданіяхъ!... Я тогда еще не знала, какъ этотъ погромъ можетъ отразиться на планѣ освобожденія и думала, что Перовская такъ убивается только потому, что эти люди ей особенно близки. Впослѣдствіи я лишь поняла, что съ ихъ арестомъ, у нея явилось сомнѣніе въ возможноси осуществить свой планъ. Разстаться съ этимъ планомъ ей было невыносимо тяжело, но все же пришлось, такъ какъ за первыми арестами послѣдовали другіе, и попытка освобожденія не могла состояться.

Отъ изд.

[1]) Андріанъ Михайловъ, Сабуровъ, Булановъ, Малиновская, Колѣнкина и др., судившіеся въ Мая 1880 г. по такъ называемому процессу «Веймера». Прим. изд.

но всѣми силами стремилась предупредить разрывъ партіи и была въ числѣ лицъ, успѣвшихъ на два мѣсяца задержать этотъ расколъ, но онъ все таки произошелъ.

Какъ всегда чуткая, понимаящая, гдѣ бьется жизнь и правда, Соня не захотѣла оставаться въ „Черномъ Передѣлѣ", но съ другой стороны и не тотчасъ присоединилась къ „Народной Волѣ". Очень близкіе и уважаемые люди, бывшіе въ такомъ же положеніи, звали ее за границу. „Я предпочитаю быть повѣшенной здѣсь, чѣмъ жить за-границей", отвѣчала она, и наотрѣзъ отказалась ѣхать*).

*) Здѣсь въ немногихъ словахъ разскажемъ объ отношеніяхъ Софіи Львов. къ «Черн. Перед.», такъ какъ они происходили на нашихъ глазахъ. — Распаденіе организаціи «Зем. и Воли» на 2 группы въ сущности произошло задолго до формальнаго его санкціонированія. (См. біогр. А. Желябова). Каждая группа послѣ Воронеж. съѣзда дѣйствовала уже почти вполнѣ независимо: привлекала къ себѣ новыхъ членовъ изъ лицъ, не входившихъ въ организацію „Земля и Воли", обсуждала условія соглашеній и тѣхъ уступокъ, какія можно сдѣлать, чтобы избѣжать разрыва и заранѣе готовилась къ своимъ практическимъ задачамъ на случай разрыва. По поводу всего этого у такъ называемыхъ «деревеньщиковъ» (будущихъ чернопередѣльцевъ) происходили сходки (за Потербуугомъ), въ которыхъ участвовала также и Софія Львовна. Большинство не видѣло возможности прійти къ какимъ нибудь соглашеніямъ съ террористами. Введеніе политичес. элемента въ програму и сосредоточеніе главныхъ силъ партіи на борьбѣ съ правительствомъ вызывали протестъ со стороны деревеньщиковъ.—разрывъ былъ неизбѣженъ. Но Софіи, какъ и многимъ другимъ, ужасно не хотѣлось его. Она доказывала, какой вредъ произойдетъ отъ распаденія организаціи «Земли и Воли» и скорѣе молила, чѣмъ аргументировала, какъ его избѣжать. Она лично почти не видѣла существенныхъ разногласій

На послѣднемъ судѣ, какъ извѣстно, Соня заявила себя агентомъ Исполнит. Комитета. Дѣйствительно, не смотря на то, что при раздаленіи партіи она не пристала оффиціальпо ни къ одной фракціи, мы видимъ, что она участвуетъ въ дѣлѣ 19 Ноября. Участіе ея въ немъ извѣстно изъ газетъ. Товарищи по дѣлу превозносили ея ловкость и умѣнье. Она оставалась въ домѣ до самаго взрыва, была въ толпѣ рабочихъ, перепуганныхъ неожиданнымъ происшествіемъ и уѣхала изъ Москвы случайно, въ одномъ вагонѣ съ купцомъ, своимъ сосѣдомъ по

между обѣими фракціями и находила, что расхожденіе происходитъ больше отъ недоразумѣній, которыя можно уладить взаимными объясненіями. Она соглашалась съ деревеньщик., что не слѣдуетъ оставлять дѣятельность въ народѣ, хотя и на время, какъ это предлагали террористы (будущіе народовольцы) но, рядомъ съ этимъ, находила необходимымъ убійство Алекс. II, на что въ то время было устремлено все вниманіе послѣднихъ. Относительно этого пункта она нѣсколько расходилась съ деревеньщиками, которые признавали полезность этого факта, лишь въ связи съ дѣятельностью въ народѣ. Они смотуѣли на убійство царя, какъ на агитаціонный фактъ, могущій послужить сигналомъ къ крупнымъ массовымъ движеніямь. Поэтому моментъ совершенія убійства Алекс. II, они ставили зависимость отъ результатовъ предварительной организаціонной работы въ народѣ, иначе, фактъ этотъ думали они, или останется совсѣмъ безъ вліянія на народъ, или онъ вызоветъ стихійныя движенія, которыя, при отсутствіи революціонныхъ организацій, могутъ скорѣе принести вредъ, чѣмъ пользу. Но террористы рѣшительно не хотѣли подчинять время совершенія этого факта дѣятельности въ народѣ, находя эти соображенія не вполнѣ вѣрными и не всегда удобоисполнимыми, поэтому они стояли за выполненіе своего намѣренія, какъ только представится къ тому возможность. Софія Льв. соглашалась съ деревеньщиками, что убійство царя будетъ имѣть гораздо большее значеніе, если оно совершится при параллельной дѣятель-

дому Сухоруковыхъ. Изумительно, какъ онъ ее не замѣтилъ?

Въ декабрѣ 1879 г. Соня формально присоединилась къ фракціи „Народной Воли". Съ тѣхъ поръ она со всей энергіей работала на пользу „Нар. Воли", а въ организаціонномъ отношеніи сдѣлалась значительно большей централисткой, и горячо проповѣдывала необходимость дисциплины.

Почти сейчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Соня попала въ непріятное положеніе, обыкновенно насту-

---

ности въ народѣ, — при существованіи серьезныхъ сношеній съ нимъ и крупныхъ организацій; но всего этого въ то время почти совсѣмъ не было, поэтому она находила полезнымъ совершеніе убійства Ал. II, ради одной уже мести за ужасныя преслѣдованія и казни соціалистовъ, и такъ какъ приведеніе этого плана въ исполненіе само собою откладывалось на нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ деревеньщики, какъ ей казалось, могли еще кое-что успѣть въ народѣ, то она и считала дѣятельность обѣихъ фракцій одна другую дополняющей; но, пока деревеньщикамъ удастся, завязать серьезныя сношенія съ народомъ. она рѣшилась помогать террористамъ въ ихъ планахъ взрыва царя. Вотъ почему, при состоявшемся (въ началѣ Августа 1879 г.) формальномъ распаденіи «Земли и Воли» на «Нар. Волю» и «Черн. Пер.», Софія Львовна не пристала ни къ одной изъ этихъ двухъ группъ цѣликомъ, но, тѣмъ не менѣе, помогала каждой. Такъ, передъ отъѣздомъ въ Москву (въ домъ Сухорукова), она передала чернопередѣльцамъ кое-какія имѣвшіяся у нея связи въ провинціи, познакомила ихъ съ нѣкоторыми лицами, располагавшими матеріальными средствами и сочувствовавшими дѣятельности въ народѣ и отдала имъ имѣвшуюся у нея небольшую сумму для ихъ предпріятій.

Возвратившись послѣ 19 ноября въ СПБ. (куда и мы вскорѣ пріѣхали съ юга), Софья Львовна тотчасъ-же постаралась повидаться съ нами. Почти съ первыхъ же словъ она прямо заявила намъ, что готова пристать къ чернопередѣльцамъ, если у нихъ имѣется теперь

пающее, послѣ всякихъ „покушеній" и т. п. Начались аресты. Взята была типографія „Нар. Воли", а также многіе изъ выдающихся ея дѣятелей. Соня въ это время была неподражаема по хладнокровію и находчивости.

Дѣятельность Сони за послѣдній годъ извѣстна мнѣ лучше, чѣмъ въ какой нибудь другой періодъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ близко касается нашего времени для того, чтобы о ней можно было говорить. Одно можно сказать: она работала неутомимо. Осо-

---

(или въ скоромъ времени) крупное организаціонное предпріятіе въ народѣ. Мы подробно изложили ей настоящее положеніе дѣлъ: мы разсказали ей, какъ велики теперь внѣшнія (политическія) препятствія для серьезной дѣятельности въ народѣ, какъ ничтожны тамъ связи («зацѣпки») чернопередѣльцевъ, въ какомъ незавидномъ положенія находятся всѣ, желающіе дѣйствовать въ деревнѣ и какъ мало силъ и средствъ для возможной даже въ этомъ направленіи дѣятельности. Наша твердая увѣренность, что серьезное революціонное дѣло не мыслимо въ данное время въ народѣ, призвело на Софію Львовну очень тяжелое впечатлѣніе. «Такъ остается пристать къ народовольцамъ», — не то спрашивала, не то рѣшила она. Зная, что она не раздѣляетъ цѣликомъ воззрѣній «Н. В.», что она мало вѣритъ въ возможность добиться полит. свободы силами партіи, что она смотритъ на террор. факты больше какъ на месть правительству, мы старались отклонить ея намѣреніе, доказывая, что лучше уже выждать нѣкоторое время, а пока возможна будетъ дѣятельность въ народѣ, мы предлагали ей уѣхать за-границу. «Нѣтъ, нѣтъ!» — рѣшительно заявила она. — «Я останусь здѣсь погибать вмѣстѣ съ борющимися товарищами!» Трудно выразить, какъ тяжело намъ было сознавать, что она остается для вѣрной и скорой гибели, но никакими доводами мы не въ силахъ были переубѣдить ее.

На второй день, послѣ этой бесѣды, Желяб. съ необычайной радостью сообщилъ намъ, что Софія Львовна уже формально вступила въ организацію «Нар. Воли». Прим. Изд.

бенно она занята была рабочимъ дѣломъ, а въ связи съ нимъ дѣйстволала и между студенчествомъ. Къ дѣятельности среди рабочихъ ее влекла всегдашняя ея симпатія и убѣжденія. Она очень серьезно вдумывалась въ планъ переворота, поставленный партіей, и всегда утверждала, что безъ широкаго участія рабочихъ и безъ поддержки войска, переворотъ не мыслимъ.

Къ недостаткамъ Сони можно причислить ея крайнюю неосторожность. Себя она не берегла ни на волосъ. Да и вообще она способно была увлекаться цѣлью до того, что не достаточно осторожно вела себя въ работѣ. Однако она никогда не хотѣла признавать себя въ этомъ виновной, и нужно сознаться, что ея ловкость очень часто выкупала недостостатокъ осторожности.

Послѣдній годъ жизни Сони былъ первымъ годомъ любли. Она полюбила Желябова, — единственный разъ въ жизни, если не ожибаюсь. Вообще она была большая „женская патріотка“ и всегда утверждала, что мужчины съ сущности ниже женщинъ. Серьезное уваженіе она чувствовала къ очень немногимъ. Желябовъ оказался человѣкомъ по плечу Сони. Она крѣпко любила его, какъ я, признаться, считалъ ее неспособной полюбить мужчину. Недолго продолжался этотъ эпизодъ. Въ концѣ Февраля Желябовъ былъ арестованъ.

Участіе Сони въ дѣлѣ 1 Марта раскрыто ею на судѣ. Послѣ ареста Желяяова, она успѣла очистить свою квартиру отъ всего цѣннаго, и уйти на глазахъ искавшей ее полиціи. Послѣ 1-го марта друзья настаивали на ея отъѣздѣ. Она отказывалась, умоляя оставить ее въ Петербургѣ, гдѣ теперь такъ интересно быть. Нѣсколько дней спустя, ее арестовали на улицѣ, когда она ѣхала па извощикѣ.

Безполезно говорить о томъ, что Соня встрѣтила смерть такъ же, какъ встрѣчала тяжелую жизнь: спокойно и достоинствомъ. Умереть хорошо легче, чѣмъ жить такъ, какъ умѣла жить она.

Приведу въ заключеніе письмо Сони, писанное матери передъ судомъ. Она старается щадить и осторожно приготовить ее къ страшному удару. Къ сожалѣнію, это единственное письмо Сони, которое я могъ достать. Впрочемъ, она и не любила писать, кромѣ чего нибудь дѣловаго. Вотъ это письмо:

„Дорогая моя, неоцѣненная мамуля! Меня все давитъ и мучаетъ мысль, что съ тобой. Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя изъ за меня, побереги себя, ради всѣхъ окружающихъ тебя, и ради меня также. Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встрѣчаю ее, такъ какъ дявно знала и ожидала, что рано или поздно, а такъ будетъ. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила такъ, какъ подска-

зывали мнѣ мои убѣжденія; поступать же противъ нихъ, я была не въ состояніи: поэтому со спокойной совѣстью ожидаю все, предстоящее мнѣ. И единственно, что тяжелымъ гнетомъ лежитъ на мнѣ, это твое горе, моя неоцѣненная, это одно меня терзаетъ, и я не знаю, чтобы я дала, чтобы облечить его. Голубонька моя, мамочка, вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые и большіе, дла которыхъ, для всѣхъ ты нужна, какъ великая своей нравственной силой. Я всегда отъ души сожалѣла, что не могу дойти до той нравственной высоты. на которой ты стоишь, но во всякія минуты колебанія твой образъ меня всегда поддерживалъ. Въ своей глубокой привязанности къ тебѣ я не стану увѣрять, такъ какъ ты знаешь, что съ самаго дѣтствта ты была всегда моею самой постоянной и высокой любовью. Беспокойство о тебѣ было для меня всегда самымъ большимъ горемъ. Я надѣюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я теперь причиняю и не станешь меня сильно бранить: твой упрекъ единственно для меня тягостный.

Мысленно крѣпко и крѣпко цѣлую твои ручки, и на колѣняхъ умоляю не сердиться на меня. Мой горячій привѣтъ всѣмъ роднымъ. Вотъ и просьба къ тебѣ есть, дорогая мамуля, купи мнѣ воротничекъ и рукавчики, потому запонокъ не позво-

ляютъ носить, и воротничекъ поуже, а то для суда хоть нѣсколько поправить свой костюмъ: тутъ онъ очень разстроился. До свиданія же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучай себя изъ за меня, моя участь вовсе не такая плачевная и тебѣ изъ за меня горевать не стоитъ.“

22 Марта 1881 г. *Твоя Соня.*

Дополненіе къ біографіи Софіи Перовской можно видѣть въ календарѣ «Народной Воли» стр. 49. Прим. издат.